

Однако, несмотря на все эти огромные препятствия, мы видим во всех странах на Востоке стремительный рост профессиональных союзов и неуклонное развитие социалистических идей. Огромную роль в этом процессе сыграла, разумеется, мировая война, резко обострившая все классовые противоречия и вызвавшая повсюду национально-освободительное движение на почве интенсивного колониального нажима. Еще недавно восточный пролетарий смотрел на своего хозяина не как на эксплуататора, а почти как на отца и благодетеля. Теперь он видит в нем своего классового врага, с которым борется путем забастовок и профессиональной борьбы.

Благодаря специфическим условиям колониального режима чисто пролетарская профессиональная борьба неизбежно принимает характер борьбы политической, направленной против английских, японских, голландских и других колониальных властей.

Во всяком случае, развивающееся рабочее движение на Востоке, несмотря на слабость его, является уже мощным фактором в борьбе против империализма как туземного, так и европейского. Не даром и в Египте и в Палестине и в других странах логика профессиональной и политической борьбы неизбежно приводит к ориентации на *Красный Профинтерн*, *Третий Интернационал* и *Советскую Россию*. Вполне понятно, что и туземная буржуазия и колониальные власти борются путем жесточайших репрессий, часто запрещая даже образование профсоюзов, устройство забастовок с политическими требованиями (Голландская Индия) и т. д.

Таковы общие выводы, на которые наталкивает книжка Эйдуса.

Особую свежесть придает ей то, что она написана исключительно по сырым материалам, полученным с мест и относящимся почти исключительно к последнему времени. Разумеется, как оговаривается и сам автор, книжка его не может претендовать на исчерпывающую полноту, но во всяком случае она удачно восполняет тот пробел в наших сведениях о современном Востоке, который имелся вплоть до последнего времени. Некоторым недостатком является

лишь то, что автор не использовал уже существующий литературный материал, который имеется по рабочему движению некоторых стран Востока, напр., Индии и Японии. Благодаря этому, очерки рабочего движения, даваемые им, обнимают в сущности лишь пять-десять последних лет.

В. Кряжин.

ВОСТОК. Журнал литературы, науки и искусства. Книга 1. „Всемирная литература“. Государственное Издательство. Петербург. 1922. Стр. 128.

Основная задача журнала «Восток», как это явствует из редакционной статьи С. Ольденбурга, заключается в ознакомлении русской широкой читающей публики с литературой, искусством и вообще духовной культурой Востока. Принимая во внимание наше необычайно малое знакомство с последним, нельзя не признать издание подобного журнала полезным и своевременным. Журнал состоит из целого ряда переводов с вавилонского, китайского, арабского и др. языков и из нескольких научных статей.

Крупный интерес вызывает вавилонская поэма «Сошествие Иншар в обитель мертвых», мастерски переведенная В. Шилейко. Очень любопытны переводы китайских лириков VI—IX столетий; миниатюрные поэмы, состоящие всего из 8 строк, проникнуты ярким импрессионизмом и заставляют вспомнить, как это ни курьезно, о... Верлене.

Вот, например, стихотворение Ли-По жившего в IV в. нашей эры:

Я стою... у яшмовых ступеней
Иней появляется осенний.
Ночь длинна, длинна... Уже росой
Мой чулок охвачен кружевной.
Я к себе вернулась и, печальна,
Опустила занавес хрустальный;
Но за ним я вижу: так ясна
Дальняя осенняя луна.

Очень примечательны также стихотворения в прозе («Революция» и «Ветка розы») современного арабского поэта Амин Рейхани, превосходно переведенные И. Крачковским. Чисто революционные настроения и порывы при-

чудливо переплетаются в них с образами старо-арабской поэзии, благодаря чему произведения А. Рейхани получают совершенно своеобразный отпечаток.

Из статей центральное место занимает изумительный по богатству мыслей набросок Н. Марра «Яфетиды». Наш гениальный ученый дает в этой статье сводку своих работ по созданию яфетической теории,—работ, которые он непрерывно ведет в течение четверти века. Кто же такие яфетиды? По теории Н. Марра, это первоначальные насельники Средиземного моря и всего Древнего Востока. Мало того, раз яфетиды хронологически предшествуют всем другим племенам древнего мира, то с ними начинается связываться проблема происхождения человечества, поскольку последние определяются, как собрание существ, «одаренных не только разумом, но и речью». По словам самого творца яфетической теории, она успела уже пережить пять стадий: возникнув на почве изучения языков Закавказья (гл. обр., др.-грузинского), теория начинает постепенно охватывать языки Армении, Месопотамии, наконец, Средиземно-морского бассейна (баски в Пиринеях и этруски на Аппенинском полуострове).

Яфетическая теория в своей пятой стадии влетает за собой изыскания уже в области процесса созидания речи и ее типологических перерождений, в виду того, что, по взгляду Н. Марра,—яфетические языки сохранили наиболее осязаемо материалы изжитых этапов развития человеческой речи, и в них наглядно прослеживается процесс отложения, как элементов, так и целых слоев языка на начальный и примыкающих к ней древнейших ступенях его развития. Погружаясь в эту туманную область, Н. Марр указывает, что здесь недостаточно одних данных лингвистики; показания этнологии, истории религии—все это должно быть принято во внимание, так как, как правильно замечает Н. Марр, язык является «результатом затраты громадных естественных (неосознанно) и культурных сил на пути создания общечеловечности».

Конечно, в теории Н. Марра много произвольного, быть-может, даже фан-

тастического. Сам автор заявляет, что требуется громадная предварительная работа, как в области лингвистики, так и этнологии, для подкрепления того или иного положения. Во всяком случае прозрения Марра имеют колоссальное методологическое значение. Прежде всего они раздвигают рамки языкознания за пределы индо-арийской группы языков, которые в течение столетия были исключительным объектом изучения лингвистов. Далее, исследуя процессы возникновения речи, эта теория помогает разрушить и отрешиться от гипотезы пра-языка, которая до сих пор исповедуется в сравнительном языкознании. Наконец, необычайная широта размаха, свойственная яфетической теории, позволяет, как мы видели, научно-доказательно приблизиться к процессам образования речи, пусть даже первыми создателями ее были не яфетиды, а какие-либо иные этнические группы.

Чрезвычайно интересный материал сообщает статья С. Ольденбурга «Пещеры тысячи будд», представляющая результат исследования знаменитых пещерных храмов около Дун-Хуана в провинции западного Китая Ган-Си. Проспись и скульптуры пещер позволяют нам наблюдать непрерывное развитие китайского искусства с V—VI веков и до XIV столетия. Статья С. Ольденбурга, изобилующая интересными наблюдениями и историческими замечаниями, снабжена недурными воспроизведениями буддийских фресок.

Конспективная статья И. Крачковского о возникновении и развитии новоперсидской литературы и недурно (хотя и слишком случайно) составленный отдел хроники востоковедения,—вот что еще можно занести в актив новому журналу.

Резкий контраст с вышеупомянутыми серьезными статьями составляет статья В. Шилейко, носящая заглавие «Родная старина». Безвкуснейшее научное декадентство, комическим образом сочетающееся с глубокомысленной ученостью, пропитывает обе странички заметки В. Шилейко.

Автор, при помощи клинописных текстов и аппарата тяжеловесных «научных» примечаний, устанавливает, что пра-

вославыный обычай выпускать птиц на Благовещение представляет не что иное, как наследие Вавилона. Далее, не совсем, правда, ясно, но указывается, что русалки гоголевской «Майской ночи» суть не что иное, как подражательницы вавилонской богини Иштар, также некогда утопившейся в Эвфрате. Если мы примем во внимание, что такие представления, как отождествление души с птицей или как существование в реках русалок, нимф, дриад и т. п., свойственны на известной ступени решительно всем народам земного шара, мы поймем, насколько искусственны и научно беспредельны хитроумные сопоставления В. Шилейко. Связывание пушкинского стихотворения «В чужбине свято соблюдая родной обычай-старинны» с именем Туманского вносит лишний штрих в эту картину научно-декадентского творчества. Невольно вспоминаются слова Салтыкова-Щедрина: «ни познаний, ни тем менее так наз. идей не требуется. Но ежели бы кто, видя, как извозчик истязуя лошадь, почел бы за нужное рядом фактов, взятых из древности, или из истории развития современных государств, осудить сие, то сие не только не возбраняется, но именно и составляет тот высший вид пенкоснимательства, который в современной литературе известен под именем «науки»».

Такой же совершенно ничтожный характер носит статья В. Алексеева «Русские писатели в китайских переводах». На протяжении семи страниц ученый автор, что называется «под оре» разделяет некоего Гэн Хуана, неудачно переведшего рассказ Л. Толстого «Три смерти». Можно лишь подивиться терпению автора, очевидно, обладающего вдобавок огромным досугом, за ту детальную работу, которую он проделал над работой бедного китайца-переводчика. Однако, читая другие заметки «зоила» В. Алексеева в том же номере журнала «Восток», невольно вспоминаешь поговорку: «врачу, исцелись сам». Действительно, мы находим здесь такие стилистические перлы: обыватель

«жадно пьет обаяние лисы», «отвечая на данное ей фатумом предопределение» (проф. В. Алексееву нелишне знать, что фатум и есть предопределение) и т. д. Еще более неприятное впечатление производят многочисленные социальные характеристики, которые были бы более к лицу какому-нибудь мажорничающему снобу, а не ученому китаисту. Так, напр., по мнению В. Алексеева, жизнь китайского студента «сложнее простой жизни полуживотных масс», в Россию наезжает лишь «китайское интеллектуальное отребье или просто годные массы варваров» и т. д.

Наконец, совершенно ненужными и идущими вразрез с основной программой журнала представляются случайные заметки вроде «Китайская республика», «Печать в Китае» и «Данные о китайской торговле». Под заметками стоит подпись В. Алексеева, между тем как они представляют почти дословный (лишь сокращенный) перевод отдельных глав известного ежегодника «China Year Book». Заметки эти являются даже вредными, так как переводчик, очевидно, совершенно неосведомленный в вопросах политики и экономики, не отметил даже той специфической английской империалистической тенденции, которая присуща сборнику Вудга. Благодаря этому, читатель узнает, напр., что типичнейший авантюрист и взяточник Юан-Ши-Кай был «твердым политиком», что многострадальный первый китайский парламент был распушен Юан-Ши-Каем «за детскую болтливость, злоупотребления, продажность и прочие пороки».

Если редакция журнала «Восток» выкинет за борт статьи, проникнутые научным декадентством, снобизмом или просто политическим невежеством, хотя бы они и принадлежали перу дипломированных ученых, то несомненно, что мы будем иметь весьма полезный журнал, знакомящий русскую публику с искусством и культурой Востока, до сих пор, повторяю, весьма мало изученными.

В. Крянжин.